

РАДОСТЬ ОТКРЫТИЯ

НАШИ РЕЦЕНЗИИ

Известный русский пианист и дирижер Александр Ильич Зилоти любил рассказывать такую историю. Как-то в присутствии Зилоти, тогда еще студента консерватории, Антон Григорьевич Рубинштейн играл «Лунную сонату» Бетховена. Играл по-своему, по-рубинштейновски, открывая в бетховенской сонате, такой знакомой, такой любимой, изученной, казалось бы, до мельчайших оттенков совершенно новые грани, заблиставшие полным светом только под руками большого мастера. Пораженный Зилоти слушал, счастливый от неповторимой радости открытия.

— Это вершина! — воскликнул с энтузиазмом Зилоти, когда Антон Григорьевич кончил играть. — Только так должен звучать настоящий Бетховен!

Через месяц на каком-то вечере Зилоти снова встретился с Антоном Рубинштейном и попросил его сыграть «Лунную сонату». Антон Григорьевич сел за рояль и уже при звуках первой части сонаты Зилоти засматыв удивленный, не веря своим ушам. Совершенно иное звучание, совершенно новые грани! Трудно было поверить, что за роялем тот же пианист. Антон Григорьевич играл, как всегда, великолепно, с обычным своим блеском и глубиной. И опять Зилоти услышал новую «Лунную сонату», еще не слышанную, неведомую, хотя и такую знакомую. И снова то же счастье от радости открытия нового. И снова ощущение вершины, головокружительной и недостижимой.

— Антон Григорьевич, — обратился Зилоти к великому музыканту, — совсем недавно я слушал в вашем исполнении «Лунную сонату». Мне казалось, что это единственно верная трактовка Бетховена. И вот сегодня. Сегодня, сейчас вы играли ее совсем не так, как в прошлый раз... Но и сегодня все мы испытывали это чувство вершины, и сегодня нам казалось, что вот так и только так должен звучать подлинный Бетховен. Где же все-таки он — подлинный Бетховен?

— Дорогой мой, — ответил Рубинштейн. — Никогда нельзя сыграть дважды одинаково одну и ту же вещь. Насколько мне помнится, в тот раз был солнечный день. А сейчас вечер... Вы слышите, за окном дождь? Хмуро... Сейчас иначе Бетховена не сыграешь...

Именно в этом постоянном открытии нового в давно знакомом и заключается, наверное, могучая сила настоящего искусства. Именно поэтому, наверное, можно без конца слушать музыку Бетховена, без конца перечитывать стихи Блока, каждый раз открывая скрытые до того грани, чудесные и преходящие.

Я вспомнил историю, рассказанную А. И. Зилоти, когда сидел прошлым воскресеньем в зале отделения железной дороги на вечере лирики «Живая любовь». В тот вечер я заново открыл для себя и Владимира Маяковского, и Александра Блока, и Марину Цветаеву. Да, наверное, все, кто слушал в тот вечер заслуженного артиста Татарской АССР Георгия Бальяна, читавшего стихи, испытывали это неповторимое чувство открытия.

Казалось бы, на что уж хорошо знаем мы «Тамару и Демона» Маяковского. Столько раз читали, столько раз слушали. Но вот такой «Тамары и Демона» мы еще не знали. Талант исполнителя помог нам глубже постичь могучий талант поэта, открыть двери в еще минуту назад недоступные, неизведанные уголки поэтического мира Владимира Маяковского, открыть новые россыпи драгоценных мыслей и образов.

Между поэтом и слушателем встал исполнитель, артист. И от его таланта, от его вкуса, его чутя и даже настроения зависит, станут ли слушатели колумбами, открывающими свои Америки в мире уже знакомых, полубившихся образов, или они лишь посетят уже открытые ими раньше страны. Даже если это повторное посещение и чрезвычайно приятно, все же оно ни в какое сравнение не идет с радостью открытия, когда чувствуешь себя чуть-чуть богаче, чем минуту назад.

Георгий Бальян подарил нам немало таких открытий. Мы услышали нового Сергея Есенина в «Письме к женщине» — страдающего, но сильного, не имеющего ничего общего с традиционным образом поэта, распыляющего самого себя на кресте жестокой исповеди и беспощадной самоиронии.

Новые грани заблистали перед нами в «Вольных мыслях» Александра Блока (из этого цикла Георгий Бальян прочел стихотворение «В дюнах»). Артисту удалось сильно, на самых высоких нотах, без ретуши и пламегасителя, передать всю страсть и пластику блоковских образов: «И я лежу, от бега задыхаясь, один, в песке. В пылающих глазах еще бежит она — и вся хохочет: хохочут волосы, хохочут ногти, хохочет платье, вздутое от бега...» Вкус и чувство меры не изменили исполнителю — его высокие ноты в этом стихотворении всегда останавливаются на предельной грани, переступив которую, нетрудно сорваться в банальную визгливую эротику, столь чуждую творчеству Блока.

Многие испытали радость двойного открытия, слушая великолепно прочитанного Георгием Бальяном «Стеньку Разина» Марины Цветаевой. Замечательен сам факт, что артист включил в свой репертуар произведение этой до последнего времени мало известной у нас чудесной русской поэтессы. Ведь любому исполнителю проще всего добиться успеха у публики, читая всем знакомые, всеми любимые стихи широко популярных поэтов. Но есть в русской литературе явления, сложные и неповторимые, которые в силу тех или иных причин не стали еще достоянием широких кругов читателей. К одному из таких явлений принадлежит и творчество Марины Цветаевой. До недавнего времени с легкой руки литературных критиков времен культа личности к имени Марины Цветаевой непременно привязывался небрежный ярлык: «декадентствующая поэтесса». Но все же оказалось, что такое значительное явление в русской поэзии XX века просто невозможно зачеркнуть. Сейчас с поэтическим наследием этой замечательной поэтессы может ознакомиться каждый: два года назад вышел из печати сборник произведений Марины Цветаевой. И вот теперь мы слышим их со сцены. Очень хорошо, что артист предварил стихи Цветаевой несколькими словами о самой поэтессе.

Монументально и патетически прочитал Георгий Бальян отрывок из поэмы Роберта Рождественского «Реквием». В настроении, в манере исполнения, в скупых и суровых словах есть что-то общее с первыми кадрами фильма «Оптимистическая трагедия». Помните эти застывшие в камне фигуры матросов, эти руки с каменными желваками жил, эти искривленные в каменных гримасах рты? Скупыми, но яркими штрихами, без надрыва и нажима, без излишнего акцентирования раскрыл артист революционный пафос поэмы Рождественского.

Вообще нужно сказать, что для творческой манеры Георгия Бальяна характерны крупные мазки, подчеркивающие выпуклость, рельефность поэтических образов. Создаваемые им картины имеют что-то общее с картинами Сезанна. Именно там, где артист не изменяет своей манере, его ждет большой успех.

К сожалению, Георгий Бальян не всегда верен себе. Это оказалось даже в репертуарном просчете.

Лучше всего его творческой манере соответствуют стихи, где поэт почти без полутонов резко противопоставляет два образа. И большей частью в репертуаре Г. Бальяна как раз такие стихи. Это, например, «Девушке» А. Блока («Ты перед ним — что стебель гибкий, он пред тобой — что лютый зверь»), «Стенька Разин» М. Цветаевой (Степан и персияночка), «Тамара и Демон» В. Маяковского, «Письмо к женщине» С. Есенина и т. д. Именно такие стихи были лучше всего исполнены, именно в них нам открыл Георгий Баль-

ян новые миры, новые грани. Но вот артист читает замечательное стихотворение Сергея Есенина «Собаке Качалова». И уже не испытываешь радости открытия. Это мы уже слышали, это нам помогли открыть другие исполнители. Своего, нового, бальяновского артист не сумел внести. И только потому, что пытался изменить себе самому, своей творческой манере, своему репертуару.

Почему-то изменил Георгий Бальян своей манере и в стихотворении А. Блока «На железной дороге», которое дает для артиста его склада просто неисчерпаемые возможности (образы жадно ждущей чего-то девушки и равнодушного, сонного, подрагивающего и скрипящего поезда). И главное, кульминационный пункт стихотворения — «Так мчалась юность бесполезная, в пустых мечтах изнемогая... Тоска дорожная, железная свистела, сердце разрывая...» — оказался смазанным, затухающим. Исполнитель просто не заметил его.

Во втором отделении артисту зачем-то понадобилось заигрывать со слушателями, отдавая дань дурному, дешевому вкусу и в выборе стихов и выборе средств их исполнения. Здесь измена себе самым жестоким образом покарала исполнителя: очень фальшиво прозвучали неудачно выбранные стихи Евгения Евтушенко. Неужели стоило представлять творчество этого талантливого поэта слабыми «Парижскими девчонками»?

Все эти просчеты (к счастью, их было немного) несколько нарушили цельность впечатления от в общем богатого, хорошего вечера лирики.

Но лучшие минуты останутся незабываемыми. Останется радость открытия заново многих любимых поэтов. И за это большое спасибо талантливому исполнителю Георгию Бальяну.

А впереди нас ждут новые литературные вечера, обещанные абонементом Всероссийского гастрольно-концертного объединения. И надеемся, нас ждет радость новых открытий, подобная той, какую мы испытали на вечере лирики «Живая любовь».

Г. КОМЛЕВ.